

> МАТИС ТРАЛЪ >

Повесть о доме Тайра

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
П42

平家物語

Перевод со старояпонского, вступительная статья и комментарии

Ирины Львовой

Перевод стихов *Елены Червей*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Повесть о доме Тайра / [перевод со старояпонского, вступительная статья и комментарии И. Львовой ; перевод стихов Е. Червей]. — Москва : Эксмо, 2025. — 736 с.

ISBN 978-5-04-211071-9

«Повесть о доме Тайра» XIII в. — одно из самых значительных произведений классической японской литературы, стоящее в одном ряду с такими шедеврами мировой литературы, как «Слово о полку Игореве», «Песнь о Нибелунгах» и «Песнь о Роланде».

Это не просто рассказ о событиях XII века в популярном жанре «гунки», воспевающий самурайскую честь. Это описание междоусобной войны между кланами Тайра и Минамото без малейшего сочувствия к любой из сражающихся сторон, философские рассуждения о бренности жизни, неизбежности перемен и буддийские идеи о непостоянстве и карме. «Повесть о доме Тайра» погружает читателя в мир сражений, политических интриг и семейных трагедий, рассказывая о судьбе выдающихся японских воинов. Этот монументальный текст, полный причудливых стихов, позволяет ближе познакомиться с японской культурой и традициями.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Львова И.Л., перевод на русский язык,
вступительная статья, комментарии.
Наследники, 2025

© Е. Червей, стихи, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211071-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Кто и когда написал «Повесть о доме Тайра»? Кто автор этого сочинения, до сих пор популярного в японском народе? Первые сведения о создателях «Повести» сообщает поэт и прозаик японского Средневековья монах Кэнко (1283–1350) в своей знаменитой книге «Записки от скуки»: «В царствование императора Го-Тобы жил на свете Юкинага, прежний правитель края Синано, известный своей ученостью... Сей монах Юкинага создал “Повесть о доме Тайра” и обучил слепца по имени Сёбуцу рассказывать эту повесть. А Сёбуцу, уроженец восточных провинций, расспрашивал воинов-самураев о ратных делах и о них самих и помог Юкинаге все это описать. От рождения обладал Сёбуцу исполнительским даром; нынешние певцы-сказители все ему подражают»¹.

Итак, один человек, «известный ученостью», создал «Повесть», а затем «обучил» другого... Знакомая, традиционная версия! В Японии у каждого прославленного сочинения обязательно должен был быть автор, в крайнем случае допускалось содружество двух таких авторов. Именно так, согласно традиции, появилось в 712 году, на заре японской истории, древнейшее произведение японской литературы «Записи о древних делах» (*яп.* «Кодзики»). Только по сравнению с «Повестью» творцы «Записей» как бы поменялись местами: сперва, как сказано в предисловии, слепой певец выучил наизусть мифы и легенды, бытовавшие в народе, а уж потом некий ученый муж оформил и записал их в наиздание

¹ *Ясутаро Сано.* «Записки от скуки» монаха Кэнко. Токио, 1943. С. 157. См. также: *Горегляд В. Н.* Кэнко-хоси. «Записки от скуки». М., 1970. С. 151.

6 Повесть о доме Тайра

потомкам... Однако современная филологическая наука, не отрицая важной, благотворной роли людей, превращавших устные сказы в произведения литературы, убедительно доказывает иное, фольклорное происхождение эпических памятников Японии.

Из книги монаха Кэнко, умершего в 1350 году, явствует: уже в первой половине XIV века «Повесть о доме Тайра» существовала как законченное, сложившееся произведение.

Следовательно, возникла она в XIII веке, по свежим следам событий, всколыхнувших всю Японию в конце XII столетия и ставших важным рубежом в ее исторической судьбе. «Повесть» дошла до наших дней во множестве списков, варьирующих один и тот же сюжет — борьбу двух военно-феодалных домов Тайра и Минамото. По свидетельству японских филологов, ни одно произведение средневековой литературы не имеет столько разночтений и вариантов, как «Повесть о доме Тайра», начиная от самых ранних, коротких списков и кончая пространными, длинными, бытовавшими даже под отдельными самостоятельными заголовками, такими, например, как «Повесть о расцвете и гибели домов Тайра и Минамото». Наличие столь большого количества вариантов уже само по себе говорит о фольклорном происхождении «Повести», отдельные части которой возникали стихийно, а затем вставлялись или, напротив, изымались из письменных текстов.

Став произведением литературы, «Повесть» обрела новую, качественно отличную жизнь: произошла своего рода дефольклоризация эпоса.

Что же касается певцов-сказителей, о которых говорится в книге монаха Кэнко, то такие певцы существовали в Японии еще в древние времена. Были они и в Средние века. Сведения о странствующих сказителях, профессиональных исполнителях различных баллад и сказов, встречаются уже в источниках X века. Чаще всего бывали они слепыми. В народе их прозвали «монахами с лютней» (*яп.* «бива-хоси»), потому что голова у них была обрита, как у буддийских монахов, а свои сказы они распевали под аккомпанемент лютни, отдаленно напоминающей нашу домбру. Такую лютню, струны которой

издают низкий, глубокий звук, завезли в Японию из Китая, куда, в свою очередь, лютия попала из Ирана, с которым в те отдаленные времена шла оживленная торговля по знаменитому Шелковому пути. Средневековая японская живопись запечатлела этих «слепых бандуристов» средневековой Японии и на уличных перекрестках, и во дворцах знати. Несомненно, что они-то и были первыми создателями «Повести», а уж потом ученые люди превратили их сказы в произведение литературы.

Слепой сказитель Сёбуцу и «прославленный ученостью» Юкинага, о которых говорит Кэнко в «Записках от скуки», воспринимаются как обобщенные образы типичных фигур той эпохи. Ясно, что наставником слепого уличного певца мог быть лишь тот, кто был во всеоружии знаний своего времени, человек литературный, начитанный. В конечном итоге не так уж существенно, был ли то именно Юкинага или в процессе записи сказов к ним приложили руку несколько человек: совершенно очевидно, что они, ученые люди, обогатили содержание «Повести» достижениями японской литературы, уже имевшей к XIII столетию многовековую историю. Больше того, именно они привнесли в «Повесть» богатство чужеземной культуры Индии и в особенности Китая, язык и литература которого в свое время сыграли для Японии ту же роль, что язык и литература Рима и Греции для средневековой Европы. Трудам и таланту этих людей «Повесть» обязана многими художественными достоинствам.

И все же одной лишь эрудиции ученых людей было бы недостаточно, чтобы превратить «Повесть» в столь популярное — если не в самое популярное — произведение из всего, что создано многообразной японской литературой эпохи Средневековья. Секрет всенародного признания «Повести» кроется, на наш взгляд, в том, что она ярко передает думы и чувства людей своего времени, рассказывает не только о том, что *делали* эти люди, но и о том, что они *чувствовали*, чем жили, как страдали и радовались, что любили, а что ненавидели, иными словами, приоткрывает нам духовный мир тех, кто жил в эпоху, столь отдаленную от нашего времени. Недаром выдающийся японский филолог Итиноскэ

8 *Повесть о доме Тайра*

Такаги (1888—1973) назвал одну из своих фундаментальных работ, посвященную литературе эпохи феодализма, «Повесть о доме Тайра. Окно в Средние века». Лирический — в широком смысле этого понятия — характер повествования давно уже отмечен филологами как одна из наиболее своеобразных особенностей японской литературы начиная с момента ее возникновения. В большой степени присущ он и «Повести о доме Тайра», составляя ее притягательную черту. Этот лирический характер повествования позволяет нам увидеть происходящие в «Повести» события глазами живших тогда людей, заглянуть в их своеобразный духовный мир. Но прежде чем говорить, из чего складывался этот духовный мир, необходимо хотя бы в самых коротких словах сказать, что представляла собой Япония в том далеком XII столетии, в обстановке которого разворачиваются события «Повести».

II

Это было феодальное государство, где власть от века принадлежала родовой потомственной аристократии в лице ее верховного представителя — императора, считавшегося прямым потомком богини Солнца, Аматаэрасу. Хотя закон, установленный еще в VII веке, гласил, что земля, единственный источник экономического богатства и политической власти в те времена, является собственностью государства, а «добрый народ» (как, в духе конфуцианской терминологии, официально именовались те, кто обрабатывал эту землю) лишь периодически получает в пользование от государства земельные наделы в соответствии с численностью своих семейств, однако к XII веку дело фактически обстояло совсем иначе. «Нет земли под небесами, неподвластной государю!» — гласила древняя китайская песня, хорошо известная и в Японии. Но в полном противоречии с такой декларацией львиная доля японской земли в XII веке уже превратилась в частную феодальную собственность, принадлежавшую крупным и мелким владельцам вместе с прикрепленным к этой земле «добрым народом».

Это были привилегированные наделы аристократии, кормовые пожалования монастырям и, наконец, вновь осваивае-

мые земли на малозаселенном северо-востоке острова Хонсю, где японцы постепенно вытеснили в кровопролитной борьбе коренных жителей — айнов. К XII веку дело дошло до того, что в Центральной Японии, в так называемых Пяти Ближних землях, почти не осталось государственной земли, и, вместо того чтобы платить подати государству, сиречь — императорскому дому, крестьяне, работавшие на земле, принадлежавшей феодалу или монастырю, платили теперь подать своим непосредственным господам. Те же, в свою очередь, нередко вовсе отказывались подчиняться центральной власти, открыто бунтовали против нее с оружием в руках. Неудивительно поэтому, что борьба за овладение землей велась непрерывно с нарастающей силой, то затихая, то вновь усиливаясь, на протяжении всей так называемой эпохи Хэйан, как именуется в японской истории четыре столетия, с IX по XII век.

Название «Хэйан» дано этому периоду по названию столицы, основанной в 794 году (современный г. Киото). Слово «Хэйан» в переводе означает «мир и покой». Звучит парадоксально, если вспомнить почти непрерывную цепь кровопролитных сражений, происходивших в эту эпоху! Правда, поначалу эти сражения велись на периферии страны, в отдаленных от столицы районах, и, главное, центральной власти в столице до поры до времени удавалось, хоть и не без труда, усмирять эти бунты.

В самой столице расстановка политических сил тоже была достаточно сложной. Старинный аристократический род Фудзивара, соперничавший в мощи с императорским домом и также претендовавший на божественное происхождение, давно уже обладал такой громадной земельной собственностью, что это позволило ему, формально не посягая на прерогативы верховной власти, диктовать свою волю императорам. По своему усмотрению возводя на престол малолетних принцев, Фудзивара присвоили себе наследственную привилегию — должность регентов, а при совершеннолетнем императоре — канцлеров. Этот ключевой пост давал дому Фудзивара возможность долгое время быть фактическим диктатором страны.

Императорский дом пытался сопротивляться. С этой целью еще в конце X века был учрежден институт курандо,

нечто вроде личного секретариата при императоре, позволившего императорскому двору действовать в обход государственного аппарата, целиком подчиненного Фудзивара. Институт курандо был, в сущности, уже первым шагом на пути к двоевластию. Но еще более причудливые формы организации политической власти возникли в XI веке, когда была создана так называемая система «инсэй» — «монастырского правления». Суть ее заключалась в том, что, стремясь освободиться от диктата всесильных Фудзивара, император добровольно отрекался от трона в пользу наследника, как правило — ребенка, зачастую не достигшего даже десятилетнего возраста, а сам, приняв монашеский сан, как бы удалялся от мира (резиденция такого экс-императора образно именовалась Приютом отшельника). Однако на деле этот император-отшельник имел свой двор, отдельный от императорского двора, свой штат придворных, свою дворцовую стражу и прочие атрибуты власти. Отсюда, из Приюта отшельника, он пытался по-своему управлять государством. Отношения между двором царствующего императора-ребенка, при котором Фудзивара по-прежнему исполняли должность регента, и Приютом отшельника, двором императора-монаха, фактически носили антагонистический характер. Борьба шла за ключевые должности в общегосударственном и провинциальном административном аппарате, за отторжение земель, за превращение их в личную собственность и т. д. Немалую роль играли и династические распри.

Система «инсэй» оказалась эффективным орудием в руках императорского дома, позволив ему постепенно ослабить засыле рода Фудзивара; в XII веке, в особенности начиная с его середины, власть дома Фудзивара окончательно ослабела. Это не означало, однако, что победа осталась за императорским домом. К этому времени на исторической сцене появился новый грозный противник.

До сих пор борьба шла внутри аристократии, будь то императорский дом Сумэраги или старинный род Фудзивара: теперь господству и тех и других в равной степени положил конец новый протагонист — воинское сословие, самураи. Но прежде чем окончательно вырвать власть из рук старин-

ной родовой аристократии, самурайству в лице его наиболее могущественных представителей, феодальных домов Тайра и Минамото, предстояло решить спор между собой. Решающая схватка развернулась в 80-х годах XII века, хотя соперничество между этими двумя домами началось еще несколько десятилетий назад. Но теперь борьба уже не носила характера локальных стычек, отдельных восстаний и бунтов в различных районах страны, как то случалось в предыдущие годы. Теперь война охватила всю Японию, вовлекла обширные слои населения, в ее итоге коренным образом изменилось политическое устройство страны, начался новый этап ее истории — эпоха развитого феодализма. Трагические события этой борьбы надолго запечатлелись в народной памяти. Они-то и составляют содержание «Повести о доме Тайра».

III

Слово «самурай» происходит от старинного глагола «самурау» — служить, охранять. Самурай — человек, основным занятием которого является несение воинской службы, нечто вроде старого русского понятия «служивый». Самурайские дружины, эти отряды профессиональных воинов, сформировались исподволь, по мере роста земельной собственности, которую владельцам надо было защищать — в первую очередь от крестьян, то и дело восстававших против невыносимо тяжкого феодального гнета, но также и от соседей, таких же феодалов-землевладельцев, стремившихся расширить свои владения путем насильственного захвата чужой земли. Защита требовалась и от многочисленных разбойничьих шайк, буквально наводнивших страну в эту эпоху «покоя и мира» (в основном это были крестьяне, бежавшие, несмотря на угрозу жестоких наказаний, от своих господ); дерзость этих отчаявшихся, голодных людей доходила до того, что они грабили амбары и склады прямо в столице, принадлежавшие даже самому императорскому двору.

Отряды вооруженных монахов-воинов имелись и при крупных монастырях. Дом Фудзивара содержал своих самураев, императорский двор — своих, императоры-иноки

12 *Повесть о доме Тайра*

в своем Приюте отшельника тоже, разумеется, не обходились без самурайской дружины. До поры до времени эти воины-самураи, занимая одну из самых низких ступеней на социальной лестнице эпохи Хэйан, были, казалось, послушными слугами своих нанимателей. Они считались простолюдинами, аристократия относилась к ним с презрением. Но к середине XII века положение коренным образом изменилось. Возникли сильные феодальные дома, владевшие не только обширными землями, но — и это главное — военной силой.

Между тем аристократия никакой своей армии не имела. Пышные наименования военачальников дворцовой стражи, присвоенные отпрыскам аристократических семейств нередко еще в детские годы, носили чисто декоративный, церемониальный характер. Больше того, вековая традиция предписывала аристократу с презрением относиться к военному делу, оно считалось уделом грубых мужланов-неучей, аристократам же подобало заниматься науками, литературой, искусством... Таким образом, аристократии во главе с императорским домом нечего было противопоставить военному и политическому напору сословия самураев, кроме интриг. Однако интриги, даже самые изощренные, — плохое оружие против меча. С середины XII столетия фактически диктатором Японии становится феодальный дом Тайра, завладевший к этому времени, как о том говорится в «Повести», большей частью всей японской земли. Двадцать с лишним лет продолжалось самоуправное владычество феодальных князей Тайра, а затем наступил конец — весной 1185 года, 24 марта, в решающем морском сражении в Симоносэксском проливе дом Тайра окончательно пал под натиском более мощных самурайских дружин, воевавших под знаменами Минамото, другого могущественного феодального дома¹.

¹ Читатели, несомненно, обратят внимание на неправдоподобно огромное число боевых судов, якобы участвовавших в этой битве. Также невероятно велики воинские контингенты при описании сухопутных сражений. Следуя эпической традиции, «Повесть» явно преувеличивает численность войск обеих сражающихся сторон. По тем временам самая большая воинская дружина могла насчитывать 5–6 тысяч всадников.

Минамото пришли с востока, то есть из восточных провинций главного японского острова Хонсю. Они-то и оказались в конечном итоге победителями в долгой кровавой борьбе за власть. «Повесть» часто именует их «восточными дикарями», в многочисленных эпизодах рисует их жестокость и грубость, высмеивает невежество. Тем не менее они предстают перед нами как носители вновь формирующейся морали, морали воинского сословия. Этические категории, определявшие поведение воина-самурая, были важнейшей составной частью его мировоззрения. Переплетаясь с буддийскими и конфуцианскими идеями, эти новые этические категории стали неотъемлемой частью духовного мира воинов-самураев, главных героев «Повести».

IV

Этика самураев, кодекс самурайской чести, бусидо...¹ Все эти понятия, известные ныне далеко за пределами Японии, приобрели в нашем XXI веке, увы, печальную славу. Кто не знает, что идеологическим оружием японского империализма был именно этот пресловутый кодекс, что мораль самураев вколачивалась в головы японцев на протяжении долгих лет существования милитаристского японского государства, служила оправданием его многочисленных преступлений против соседних с Японией народов Азии. Кодекс самурайской чести (бусидо), в его законченном виде сложившийся в XVI—XVII веках, продолжал оставаться на вооружении у идеологов милитаристской Японии вплоть до ее капитуляции в 1945 году во Второй мировой войне. Как известно, в наши дни снова находятся охотники воскресить эти средневековые догмы.

В XII веке все, разумеется, обстояло совсем иначе. Борьба за землю, за власть над этой землей диктовала рождение новых, специфических моральных устоев. В ту далекую пору заповеди самурайской морали в общем не отличались от нор-

¹ Бусидо (букв.: «путь воина») — такое название получил кодекс самурайской чести в последующие века (начиная примерно с XVI в.).

мативов рыцарской чести в феодальной Европе. Храбрость восхвалялась, трусость порицалась. Верность считалась добродетелью, измена — пороком. «Повесть о доме Тайра» рисует множество конкретных примеров этих традиционных положений рыцарства, о какой бы стране ни шла речь.

Идея верности, вассального долга, усиленно культивируемая в последующие века как один из краеугольных камней самурайской морали, присутствует и в «Повести» в качестве важного компонента кодекса самурайской чести. «Повесть» с недвусмысленной прямоотой высказывается о подлинной основе этой вассальной верности — таковой является расчет на материальное вознаграждение от господина. «Что толку, что ты срубишь мне голову? — говорит своему противнику поверженный в схватке самурай. — Все равно награда тебе выйдет только в том случае, если твой господин снова будет благоденствовать в прежнем довольстве!» «Владельцы господа могут прославиться подвигами своих вассалов, — говорят друг другу накануне сражения братья Кавара. — А таким хитроумным, как мы, приходится добывать славу своими руками!..» В ответ на вопрос полководца Ёсицунэ, что представляют собой рядовые самураи, взятые в плен после удачной битвы, его вассал отвечает: «Им все равно, какому господину служить. Кто будет властвовать над страной, тому они и будут верны!» — после чего Ёсицунэ без малейшего колебания включает бывших пленников в свое войско, очевидно не усматривая в подобных мотивах ничего необычного.

Та же причина — надежда на материальное вознаграждение — определяла стремление самурая вступить в бой первым и при этом обязательно на глазах у своих соратников; конечно, здесь присутствовало и гипертрофированное честолюбие, и желание похвастать воинской доблестью, но главное было в другом — нужны были свидетели, которые в случае смерти воина подтвердили бы исполнение долга, чтобы вознаграждение досталось семье убитого, его вдове и детям.

Интересно и ценно, что «Повесть о доме Тайра», рисуя множество конкретных ситуаций, в которых оказываются ее герои, не просто иллюстрирует отдельные положения самурайской морали, но и отчетливо демонстрирует авторское

отношение к этим нравственным нормам и, что особенно примечательно, далеко не всегда оценивает их положительно. Это авторское отношение зачастую не совпадает с идеалами кодекса самурайской чести. Известно, что презрение к смерти, готовность отдать жизнь за своего господина как высшее проявление вассальной верности, более того — решимость покончить с собой в случае гибели господина считается едва ли не самой главной категорией в своде доблестей самурая. Она-то и привела к возникновению обычая *хакайри*, заимствованного, как о том говорится в исследованиях некоторых ученых¹, от айнов, с которыми воинам северо-восточных провинций на протяжении долгого времени приходилось не только сражаться, но и общаться. В последующие века, пожалуй, никакая другая из заповедей кодекса самурайской чести не прославлялась, возвеличивалась и пропагандировалась так усердно, как именно эта готовность к смерти. В XX веке не только у японских, но и у некоторых западных «теоретиков» возникла даже целая концепция, поэтизирующая самоубийство чуть ли не как специфическую особенность японской нации, как нечто возвышенное, прекрасное. «Повесть о доме Тайра» тоже рисует сцены самоубийства (правда, *хакайри* здесь отнюдь не единственный способ свести счеты с жизнью), но только как акт отчаяния, совершаемый в безвыходном положении: самураи XII века хорошо знали, что плен равнозначен смерти, только более мучительной... Примечательно, однако, что «Повесть» не только не прославляет смерть, но, напротив, неоднократно в прямых высказываниях утверждает самоценность жизни как высшего блага, дарованного человеку. «Что ни говорите, а жизнь дороже всего!» — говорит Нарицунэ Фудзивара, один из ссыльных на острове Демонов. «Только сейчас я понял, как драгоценна жизнь, как она дорога, когда дело идет о собственной жизни!» — восклицает князь Томомори Тайра, чудом спасшийся от преследования врагов. «Известно, что жизнь дороже всего на свете, — рассуждает другой самурай. — Для всех людей,

¹ *Спеваковский А. Б.* Самураи — военное сословие Японии. М., 1981. С. 40–41.